

Руслан Серкизюк

Орден ТИШИНЫ

Руслан Серкизюк

Орден ТИШИНЫ

«Автор»

2026

Серкизюк Р. В.

Орден ТИШИНЫ / Р. В. Серкизюк — «Автор», 2026

ОРДЕН ТИШИНЫ Исторический триллер / Философский роман 1456 год. Семеро заговорщиков произносят клятву в горах Швейцарии. Они создают тайный Орден, который будет контролировать мир на протяжении шести столетий. Их цель — закрыть "третий глаз" человечества, отнять интуицию, сделать людей покорными. 2024 год. Инженер Руслан Серкиз начинает видеть странные сны о бегстве. Он находит шкатулку покойной бабушки и узнаёт правду о своей крови — крови тех, кого Орден боялся больше всего. Между 1456 и 2024 годами — эпидемии, войны, Холокост, революция. И сквозь века тянется нить сопротивления — от еврейской девочки Рахиль, спасённой в 1941 году, до Руслана, который должен закончить борьбу. Книга о том, что правда сильнее лжи. Что кровь помнит. Что свободный человек — опасен для тех, кто хочет контролировать.

© Серкизюк Р. В., 2026

© Автор, 2026

Руслан Серкизюк

Орден ТИШИНЫ

ОРДЕН ТИШИНЫ

Историко-философский роман

Руслан Серкиз

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. Клятва семерых

ЧАСТЬ I. ЗАРОЖДЕНИЕ (1456–1600)

Глава 1. Съезд в горах

Глава 2. Первые эксперименты

Глава 3. Решение

Глава 4. Первые добавки

Глава 5. Исчезновение отца Томаша

ЧАСТЬ II. РАСШИРЕНИЕ (1600–1900)

Глава 6. Масоны и банкиры

Глава 7. Религия как инструмент

Глава 8. Эпидемия чумы

Глава 9. Наполеоновские войны

Глава 10. Промышленная революция

ЧАСТЬ III. XX ВЕК — ВЕК ЧИСТКИ

Глава 11. Первая мировая

Глава 12. Испанский грипп

Глава 13. Вторая мировая

Глава 14. Холокост: двойная игра

Глава 15. Николаевка, 1941

ЧАСТЬ IV. НАШИ ДНИ

Глава 16. Сны о бегстве

Глава 17. Родословная

Глава 18. Александр К.

Глава 19. Масштаб системы

Глава 20. Выбор

ЭПИЛОГ. Начало

ОРДЕН ТИШИНЫ

Книга первая

1456

ПРОЛОГ

«Свободный человек — это болезнь.

Мы — врачи. И наша клятва —

не исцелять, а усыплять».

Из тайного устава Ордена, 1456 г.

Ночь на Рим была тяжёлой. С конца октября с Тибра тянул сырой, пронизывающий ветер, и свечи в узких окнах палаццо горели неровно, будто сами боялись собственной тени.

Кардинал Лоренцо Вальери стоял у окна и смотрел, как внизу, во дворе, гаснут последние факелы. Ему было сорок семь, но в эту ночь он казался себе стариком — не телом, а душой. Слишком много он видел за эти годы. Слишком много понял.

За его спиной, в полутёмном зале, сидели шестеро.

Они не знали друг друга до сегодняшнего вечера. Каждый получил приглашение отдельно — короткий пергамент без подписи, с одной только печатью: глаз, вписанный в треугольник, и дата. «Полночь. Третья комната над капеллой Святого Николая. Приходите один».

Трое были духовными — монах-бенедиктинец из Северной Италии, епископ из далёкой Кастилии и иезуит, чьё имя Лоренцо не называл даже в мыслях. Двое — светские: венецианский банкир с лицом, похожим на старый дукат, и флорентийский учёный, привезший с собой странные свитки с арабской вязью. Шестым был человек в чёрном плаще — военный, наёмник, чьё имя, говорили, вычеркнули из всех хроник Рима.

Лоренцо обернулся.

— Братья, — сказал он тихо. — Благодарю, что пришли. Вы здесь, потому что каждый из вас — в своей области — увидел то же, что и я.

Он сделал паузу. Свеча треснула.

— Мы живём в мире, который катится в пропасть. Не от войн. Не от чумы. Не от голода. А от того, что человек стал слишком свободен.

Никто не возразил.

— Посмотрите на крестьянина в горах Шварцвальда. Он неграмотен, он спит на соломе, он умирает в тридцать пять. Но он слышит землю. Он знает, когда придёт зима, по запаху мха. Он чувствует, кто его друг, а кто враг — без слов, по одному взгляду. А теперь посмотрите на учёного в Падуе. Он читает Аристотеля, он спорит о сферах, но он слеп к собственному сыну. Он утратил то, что было у дикаря. Мы все утратили.

Епископ из Кастилии кивнул медленно.

— Я служил в деревнях под Толедо, — сказал он. — Там старые женщины видят сны, которые сбываются. Они лечат травами, о которых мы не знаем. Они говорят с мёртвыми. И паства идёт к ним, а не ко мне.

— Потому что у них ещё жив третий глаз, — произнёс Лоренцо. — Тот орган души, через который человек связан с миром напрямую, без слов, без книг, без церкви. Этот глаз — источник интуиции, силы, иммунитета. Через него тело слышит себя. Через него человек чувствует ложь.

Он подошёл к столу, на котором лежал развёрнутый пергамент.

— Но этот же глаз делает человека опасным. Свободный человек не нуждается в пастыре. Свободный человек не покупает индульгенции. Свободный человек не идёт на войну за чужую землю. Свободный человек — это болезнь.

Флорентийский учёный поднял глаза.

— Вы предлагаете... отнять у него этот дар?

— Я предлагаю его усыпить, — ответил Лоренцо. — Не убить — усыпить. Чтобы человек жил, работал, молился, платил налоги, рожал детей. Но чтобы не видел слишком далеко. Чтобы не слышал слишком тонко. Чтобы не чувствовал себя слишком цельно.

В зале стало тихо. Даже свечи, казалось, перестали трещать.

— Как? — спросил венецианец.

— Есть травы, — ответил учёный тихо. — На Востоке я видел народы, которые добавляют в пищу определённые соли и экстракты. Через два поколения у детей притупляется нюх. Через три — перестаёт сниться ясное. Через четыре — они уже не слышат интуицию. Они становятся... удобными.

— Мы сделаем это в масштабе мира, — сказал Лоренцо. — Мы начнём с воды и хлеба. С соли и вина. Мы будем добавлять понемногу — так, чтобы никто не заметил. Через сто лет никто не вспомнит, каким был человек раньше.

— А те, кто не поддастся? — спросил военный. — Те, у кого кровь чиста, а глаз открыт? Лоренцо посмотрел на него долго.

— Для них у нас будут войны. Эпидемии. Голод. Мы будем отбирать их по одному — под знамёнами, под крестом, под флагом прогресса. Мы будем сжигать их как еретиков, топить как ведьм, отправлять в печи как неполноценных. Мир будет думать, что это история. А это будет селекция.

Он достал из-под плаща небольшой нож — ритуальный, с рукоятью из кости — и положил на стол. Рядом — пергамент с начертанной клятвой.

— Нас семеро. Нас будут помнить как семерых. Каждый из нас основит линию. Сын примет от отца знание. Жена — от мужа. И так — до тех пор, пока на земле не останется достаточно тех, кто служит, и достаточно тех, кто повинуется.

Он посмотрел на каждого.

— Кто из нас готов?

Первым протянул руку венецианец. За ним — учёный. Потом — епископ. Монах. Военный. Последним — иезуит, чьё имя не называли даже в мыслях.

Они по очереди делали маленький надрез на ладони и прикладывали руку к пергаменту. Кровь впитывалась в старый лист, и буквы темнели, будто оживали.

Лоренцо произнёс клятву последним:

— Клянусь именем того, что выше Бога и ниже дьявола, — хранить тайну. Клянусь усыплять, а не будить. Отбирать, а не жалеть. Строить мир, в котором большинство будет служить, а меньшинство — вести. Клянусь, что Орден переживёт меня, переживёт Рим, переживёт самого Христа, если потребуется.

Он поднял глаза.

— С этой ночи — мы не люди. Мы — садовники. И наш сад — человечество.

Свечи догорели. За окном начинался рассвет 1456 года.

Никто из семерых не знал, что в ту же самую ночь, в далёкой деревне под Киевом, у простой женщины родился сын. У него были открытые, ясные глаза — такие, каких Орден боялся больше всего.

Он прожил семьдесят три года. Он никогда не знал латыни. Он не умел читать. Но он чувствовал грозу за три дня до её начала, и зверь в лесу уходил с его тропы, стоило ему появиться.

Его кровь дошла до нас.

И Орден знает об этом.

ЧАСТЬ I

ЗАРОЖДЕНИЕ

1456–1600

ГЛАВА 1

СЪЕЗД В ГОРАХ

«Человек — это животное, которое знает, что умрёт.

И именно это знание делает его опасным».

Лоренцо Вальери, 1457 г.

Зима 1457 года выдалась суровой. Альпы стояли белые, молчаливые, будто сами горы затаили дыхание, ожидая чего-то. В маленькой деревушке под Цюрихом, где дома лепились к скалам, как лишайники, появились семеро путников.

Они пришли не вместе. Каждый — отдельно, с разницей в день, два. Приходили под разными именами, в разной одежде. Кто — как пилигрим, кто — как торговец, кто — как учёный монах. Но все они знали одно: их привёл сюда Кардинал.

Место встречи было выбрано не случайно. Высоко в горах, над деревней, стоял старый монастырь — заброшенный с тех пор, как чума выкосила половину братии тридцать лет назад. Теперь там жили только ветер и камни. И именно там, в холодной каменной зале, где когда-то монахи пели утренние гимны, семеро должны были встретиться.

Лоренцо Вальери пришёл первым.

Он ехал три дня — из Рима через Флоренцию, Милан, перевал Сен-Готар. Ехал быстро, почти без остановок, с двумя провожатыми, которых отпустил у подножия гор. Дальше — только пешком. Тропа была узкой, скользкой, засыпанной снегом. Лоренцо шёл уверенно — он был не стар, не слаб, и вера гнала его вперёд сильнее, чем усталость.

Монастырь встретил его тишиной. Дверь скрипнула, когда он толкнул её. Внутри было холодно — снег забивался в щели, ветер свистел в разбитых окнах. Но в центре залы горел костёр — кто-то уже был здесь.

Первым его встретил венецианец. Джакомо Морозини — банкир, торговец шёлком, человек, чьё имя шептали на Ривальто с уважением и страхом. Он сидел у огня, закутавшись в меховую шубу, и грел руки.

— Ваше Преосвященство, — он встал, поклонился низко. — Я пришёл, как вы велели.

— Я рад, что вы не передумали, — Лоренцо кивнул. — Путь был долг?

— Долг, но не труден, — Морозини усмехнулся. — Я привык к долгим путям. Торговля учит терпению.

Они сели у огня. Лоренцо достал из сумки флягу с вином, отпил, предложил венецианцу. Тот отказался — он не пил вина по обету.

— Кто ещё придёт? — спросил Морозини.

— Все, — ответил Лоренцо. — Все, кого я призвал.

— Вы уверены?

— Я уверен в каждом. Иначе не стал бы рисковать.

Они замолчали. Огонь трещал, ветер выл за стенами. Лоренцо смотрел на пламя и думал о том, что начинается. Не просто встреча — начало чего-то, что переживёт его, переживёт Рим, переживёт самого Христа, если потребуется.

Остальные пришли в течение дня.

Вторым — флорентийский учёный. Алессандро ди Бонаюти — врач, алхимик, человек, который знал о травах больше, чем любой монах в Европе. Он принёс с собой сундучок — маленький, обитый медью. В нём — травы, порошки, склянки с жидкостями. Он не говорил, что это, но Лоренцо знал: это — будущее их дела.

Третьим — епископ из Кастилии. Дон Диего де Мендоса — человек суровый, молчаливый, с лицом, высеченным из камня. Он служил в маленьких деревнях под Толедо, видел, как люди живут, как верят, как умирают. И он понял то же, что и Лоренцо: люди слишком свободны.

Четвёртым — монах-бенедиктинец из Северной Италии. Брат Томмазо — высокий, худой, с глазами, которые видели слишком много. Он жил в монастыре в горах, где монахи практиковали медитации, посты, молитвы. Он знал, что такое "третий глаз" — не в метафорическом смысле, а в буквальном. Он видел, как некоторые монахи — после лет практики — начинали чувствовать то, чего не чувствуют другие. Предвидеть болезни. Слышать мысли. Видеть сны, которые сбывались.

Пятым — военный. Кондотьер по имени Ринальдо — человек, чьё имя вычеркнули из всех хроник. Он служил всем и никому. Убивал по заказу. Но в глубине души — он был фило-

софом. Он видел, как войны меняют людей. Как страх делает их покорными. Как смерть — лучший учитель послушания.

Шестым — иезуит. Человек без имени — по крайней мере, он не назвал его. Он пришёл в чёрном плаще, с лицом, скрытым тенью. Говорил редко, но каждое слово — как удар молота. Он представлял Общество Иисуса — тайную сеть, которая действовала внутри Церкви. Он знал, как управлять умами. Как создавать догмы. Как заставлять людей верить в то, что им выгодно.

Когда все собрались, Лоренцо встал.

— Братья, — сказал он. — Благодарю, что пришли. Вы здесь, потому что каждый из вас — в своей области — увидел то же, что и я.

Он обвёл их взглядом. Семеро. Семь сфер влияния. Церковь. Деньги. Наука. Медицина. Армия. Религия. Тайная сеть.

— Мы живём в мире, который катится в пропасть, — продолжил он. — Не от войн. Не от чумы. Не от голода. А от того, что человек стал слишком свободен.

Никто не возразил.

— Посмотрите на крестьянина в горах Шварцвальда, — Лоренцо говорил тихо, но каждое слово было слышно. — Он неграмотен, он спит на соломе, он умирает в тридцать пять. Но он слышит землю. Он знает, когда придёт зима, по запаху мха. Он чувствует, кто его друг, а кто враг — без слов, по одному взгляду. А теперь посмотрите на учёного в Падуе. Он читает Аристотеля, он спорит о сферах, но он слеп к собственному сыну. Он утратил то, что было у дикаря. Мы все утратили.

Епископ из Кастилии кивнул медленно.

— Я служил в деревнях под Толедо, — сказал он. — Там старые женщины видят сны, которые сбываются. Они лечат травами, о которых мы не знаем. Они говорят с мёртвыми. И паства идёт к ним, а не ко мне.

— Потому что у них ещё жив третий глаз, — произнёс Лоренцо. — Тот орган души, через который человек связан с миром напрямую, без слов, без книг, без церкви. Этот глаз — источник интуиции, силы, иммунитета. Через него тело слышит себя. Через него человек чувствует ложь.

Он подошёл к столу, на котором лежал развёрнутый пергамент.

— Но этот же глаз делает человека опасным. Свободный человек не нуждается в пастыре. Свободный человек не покупает индульгенции. Свободный человек не идёт на войну за чужую землю. Свободный человек — это болезнь.

Флорентийский учёный поднял глаза.

— Вы предлагаете... отнять у него этот дар?

— Я предлагаю его усыпить, — ответил Лоренцо. — Не убить — усыпить. Чтобы человек жил, работал, молился, платил налоги, рожал детей. Но чтобы не видел слишком далеко. Чтобы не слышал слишком тонко. Чтобы не чувствовал себя слишком цельно.

В зале стало тихо. Даже свечи, казалось, перестали трещать.

— Как? — спросил венецианец.

— Есть травы, — ответил учёный тихо. — На Востоке я видел народы, которые добавляют в пищу определённые соли и экстракты. Через два поколения у детей притупляется нюх. Через три — перестаёт сниться ясное. Через четыре — они уже не слышат интуицию. Они становятся... удобными.

— Мы сделаем это в масштабе мира, — сказал Лоренцо. — Мы начнём с воды и хлеба. С соли и вина. Мы будем добавлять понемногу — так, чтобы никто не заметил. Через сто лет никто не вспомнит, каким был человек раньше.

— А те, кто не поддастся? — спросил военный. — Те, у кого кровь чиста, а глаз открыт? Лоренцо посмотрел на него долго.

— Для них у нас будут войны. Эпидемии. Голод. Мы будем отбирать их по одному — под знамёнами, под крестом, под флагом прогресса. Мы будем сжигать их как еретиков, топить как ведьм, отправлять в печи как неполноценных. Мир будет думать, что это история. А это будет селекция.

Они спорили три дня.

Не о том, что делать — это было решено. Они спорили о том, как. Как организовать. Как распределить роли. Как обеспечить тайну.

Лоренцо предложил структуру. Семь линий. Каждая — под руководством одного из семерых. Каждая — отвечает за свою сферу.

— Я беру церковь, — сказал он. — Я буду контролировать то, во что люди верят. Я буду создавать догмы, которые будут усыплять их волю.

— Я беру деньги, — сказал венецианец. — Я создам банковскую систему, которая сделает людей зависимыми. Они будут работать не для жизни — а для выживания.

— Я беру науку, — сказал учёный. — Я буду контролировать то, что люди знают. Я буду скрывать истины, которые могут их пробудить. Я буду продвигать те, которые их усыпят.

— Я беру медицину, — сказал епископ. — Я буду контролировать то, чем они лечатся. Я буду добавлять в лекарства то, что притупляет их чувства.

— Я беру армию, — сказал военный. — Я буду создавать войны, которые будут уничтожать лишних. Я буду отбирать сильных — и отправлять их умирать за чужие интересы.

— Я беру религию, — сказал иезуит. — Я буду контролировать то, как они молятся. Я создам ритуалы, которые будут повторяться так часто, что станут автоматическими. Они будут молиться — и не думать.

— А я? — спросил монах. — Что остаётся мне?

— Ты возьмёшь самое трудное, — Лоренцо посмотрел на него. — Ты возьмёшь тайну. Ты будешь хранить знание о том, что мы делаем. Ты будешь передавать его из поколения в поколение. Ты будешь следить за тем, чтобы Орден не отклонился от пути.

Монах кивнул медленно.

— И как мы назовём себя?

Лоренцо улыбнулся.

— Садовники. Потому что мы — те, кто обрезает сад. Мы удаляем лишние ветви, чтобы дерево росло. Чтобы оно давало плоды. Чтобы оно служило.

— А что, если дерево не хочет быть обрезанным? — спросил венецианец.

— Тогда мы ломаем его, — ответил Лоренцо. — И посадим новое.

На третий день они произнесли клятву.

Лоренцо достал ритуальный нож — маленький, с рукоятю из кости. Каждый из семерых сделал надрез на ладони. Кровь капала на пергамент, впитывалась в старые буквы.

— Клянусь именем того, что выше Бога и ниже дьявола, — произносил каждый. — Хранить тайну. Клянусь усыплять, а не будить. Отбирать, а не жалеть. Строить мир, в котором большинство будет служить, а меньшинство — вести. Клянусь, что Орден переживёт меня, переживёт Рим, переживёт самого Христа, если потребуется.

Когда последний — иезуит — произнёс клятву, Лоренцо поднял пергамент.

— С этой ночи — мы не люди, — сказал он. — Мы — садовники. И наш сад — человечество.

Они вышли из монастыря по одному. Каждый — в свою сторону. Каждый — с миссией. Каждый — с клятвой в сердце.

Лоренцо шёл вниз по тропе, глядя на заснеженные вершины. Ветер бил в лицо, но он не чувствовал холода. Он чувствовал только одно: начало.

Он не знал, что через сто лет его имя забудут. Что через триста лет Орден изменится до неузнаваемости. Что через пятьсот лет его дело продолжат другие — те, кто никогда не видел его лица.

Но он знал одно: сад будет обрзан. Ветви будут удалены. И дерево — человечество — будет служить.

Служить тем, кто видит.

Внизу, в деревне, их ждали.

Крестьяне смотрели на путников с любопытством. Кто они? Откуда? Зачем пришли в эти забытые богом места?

Семеро не отвечали. Они просто шли — каждый в свою сторону. И только один — монах — остановился на мгновение, посмотрел на деревню.

Он увидел ребёнка. Мальчика лет пяти, босого, в рваной рубашке. Мальчик стоял у колодца, смотрел на него. И в его глазах было что-то — что-то, что монах узнал мгновенно.

Это был взгляд. Чистый, открытый, видящий. Взгляд того, кто чувствует мир напрямую. Того, кого Орден будет бояться больше всего.

Монах отвернулся. Пошёл дальше.

Но он запомнил это лицо.

И через сто лет — когда Орден будет искать тех, кто не поддаётся, — он вспомнит этого мальчика. И начнётся охота.

Охота, которая не закончится никогда.

ГЛАВА 2

ПЕРВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

«Чтобы разрушить дом, нужно понять, на чём он стоит».

Алессандро ди Бонаюти, 1462 г.

Прошло пять лет с той ночи в горах. Пять лет, за которые Орден "Садовников" превратился из идеи в машину.

Лоренцо Вальери умер в 1461 году — тихо, в своей постели, так и не дожив до шестидесяти. Но перед смертью он успел заложить фундамент. Он создал сеть — тайную, разветвлённую, невидимую. Семь линий. Семь семей. Семь сфер влияния. И каждая — работала.

Алессандро ди Бонаюти — флорентийский учёный, тот самый, что принёс в монастырь сундучок с травами — взял на себя самую трудную задачу. Он должен был понять, что такое "третий глаз". Не в метафорическом смысле — а в буквальном. Как он работает. Что его открывает. Что его закрывает.

Это было нужно, чтобы знать: что именно нужно сломать.

Алессандро начал с монахов.

В горах Северной Италии, в монастыре Святого Бенедикта, жили монахи, которые практиковали странные вещи. Они постигали по сорок дней. Пили только воду из горного источника. Медитировали по шесть часов в день. И — что было самое важное — некоторые из них начинали "видеть".

Не в смысле галлюцинаций. А в смысле — чувствовать то, чего не чувствуют другие.

Брат Амвросий, например, знал, когда придёт болезнь. За три дня до того, как кто-то в монастыре заболел, он приходил к настоятелю и говорил: "Брат such-to-sick будет лежать в постели через три дня". И брат действительно заболел.

Брат Иероним видел сны, которые сбывались. Он видел пожар — и через неделю монастырь горел. Он видел смерть — и через месяц кто-то умирал.

Брат Франциск чувствовал ложь. Если кто-то лгал — даже в мыслях — Франциск морщился, будто почувствовал запах гнили.

Алессандро пришёл в монастырь под видом врача. Он сказал, что изучает влияние поста на здоровье. Настоятель разрешил ему наблюдать за монахами.

И Алессандро наблюдал. Три года.

Он вёл записи — тайные, зашифрованные, написанные на латыни с использованием шифра, который он сам изобрёл. Он записывал всё: что ели монахи, сколько спали, сколько медитировали. Он брал пробы воды из источника. Он собирал травы, которые они использовали.

И он понял.

Вода.

Вода из горного источника была чистой — чище, чем любая другая, которую он видел. В ней не было примесей. Не было железа, извести, серы. Только — кислород, водород и что-то ещё. Что-то, что он не мог определить с помощью доступных ему инструментов.

Он взял пробы воды из разных источников — из реки По, из колодцев во Флоренции, из ручьёв в горах. Он сравнивал. И####: вода из горного источника, из которого пили монахи, была другой. Она была "живой".

Он не знал, как это объяснить. Но он чувствовал — когда пил эту воду — что-то менялось. Мысли становились яснее. Сны — ярче. Интуиция — сильнее.

Он написал в своих записях: "Вода — это не просто H₂O. Вода — это носитель. Она несёт информацию. Чистая вода — несёт чистую информацию. Грязная вода — несёт грязь. Монахи пьют чистую воду — и их разум становится чистым. Их 'третий глаз' открывается".

Он понял первое: чтобы закрыть "третий глаз", нужно загрязнить воду.

Травы.

Монахи использовали травы — но не обычные. Они пили отвары из растений, которые росли только высоко в горах. Алессандро собирал эти травы, сушил, изучал.

Он обнаружил три ключевых растения.

Первое — горная мята, которая росла только на высоте выше двух тысяч метров. Она содержала вещество, которое он назвал "ментис". Это вещество усиливало чувствительность нервной системы. Монахи, которые пили отвар из этой мяты, слышали звуки, которые не слышали другие. Чувствовали запахи, которые не чувствовали другие.

Второе — корень горечавки. Он содержал вещество, которое он назвал "генциан". Это вещество усиливало работу шишковидной железы — той самой, что позже назовут "третьим глазом". Монахи, которые принимали отвар из корня горечавки, видели сны, которые сбывались. Предчувствовали события. Чувствовали ложь.

Третье — цветок эдельвейса. Он содержал вещество, которое он назвал "лейонтопдиум". Это вещество усиливало интуицию — ту самую способность знать, не думая. Монахи, которые пили отвар из эдельвейса, принимали решения мгновенно — и всегда правильно.

Алессандро понял второе: чтобы закрыть "третий глаз", нужно блокировать эти три вещества. Нужно добавить в пищу и воду то, что нейтрализует их действие.

Медитация.

Но самое важное — он понял, что дело не только в воде и травах. Дело было ещё в практике.

Монахи медитировали по шесть часов в день. Они сидели в тишине, сосредоточившись на дыхании, на внутреннем огне, на "третьем глазе". И эта практика — долгая, упорная, ежедневная — открывала их восприятие.

Алессандро наблюдал за монахом, которого звали Брат Пётр. Пётр был простым человеком — неграмотным, грубым, с тяжёлым характером. Но после десяти лет медитации он изменился. Он стал спокойным. Тихим. И — что было самое важное — он начал "видеть".

Он чувствовал, когда кто-то лжёт. Он предчувствовал опасность. Он знал, что думают другие.

Алессандро спросил его: "Как ты это делаешь?"

Пётр ответил: "Я не делаю. Я просто слушаю. Когда разум замолкает — приходит знание. Оно не из головы. Оно — изнутри. Из того места, которое мы называем душой".

Алессандро понял третье: чтобы закрыть "третий глаз", нужно не дать людям медитировать. Нужно занять их разум. Нужно сделать так, чтобы они не могли замолчать. Чтобы они постоянно думали, говорили, слушали, смотрели. Чтобы их разум был занят — и не мог услышать то, что приходит изнутри.

Он вернулся во Флоренцию в 1465 году. Привёз с собой записи, пробы воды, травы. Он встретился с остальными шестью — теми, кто остался после Лоренцо.

Они собрались в подвале старого дома на окраине Флоренции. Алессандро разложил перед ними свои записи.

— Я понял, — сказал он. — "Третий глаз" — это не мистика. Это — биология. Это — химия. Это — практика.

Он показал им пробы воды.

— Чистая вода открывает "третий глаз". Грязная — закрывает. Мы должны загрязнить воду. Мы должны добавить в неё то, что блокирует её чистоту.

Он показал им травы.

— Эти растения усиливают интуицию. Мы должны создать вещества, которые нейтрализуют их действие. Мы должны добавить эти вещества в пищу.

Он показал им записи о медитации.

— Практика открывает "третий глаз". Мы должны не дать людям практиковать. Мы должны занять их разум. Мы должны создать шум — постоянный, нескончаемый шум. Чтобы они не могли услышать тишину.

Остальные слушали молча. Потом венецианец — тот, что контролировал деньги — спросил:

— Сколько это будет стоить?

— Много, — ответил Алессандро. — Но не больше, чем стоит контроль над миром.

— А сколько времени займёт?

— Сто лет. Может быть, двести. Но мы заложим фундамент. Наши дети продолжат. Наши внуки закончат.

Епископ из Кастилии кивнул медленно.

— И что мы будем делать?

— Для начала — мы начнём с воды, — сказал Алессандро. — Мы найдём способ загрязнить источники. Мы добавим в воду то, что притупит чувства. Мы начнём с маленьких городов — с деревень. Посмотрим, что будет.

— А потом?

— А потом — мы перейдём к пище. Мы создадим добавки — те, что изменят вкус еды, но притупят интуицию. Мы назовём их "специями". Мы будем добавлять их в хлеб, в вино, в соль.

— А потом?

— А потом — мы создадим шум. Мы создадим религию, которая будет требовать постоянных молитв. Мы создадим войны, которые будут требовать постоянного страха. Мы создадим деньги, которые будут требовать постоянной работы. Мы сделаем так, чтобы разум человека был занят — и не мог услышать тишину.

Первый эксперимент начался в 1470 году.

В маленькой деревне в горах Тироля — той самой, где когда-то монах увидел ребёнка с чистым взглядом — Орден начал свою работу.

Они пришли ночью. Трое людей — в чёрных плащах, с лицами, скрытыми капюшонами. Они пробрались к источнику, из которого пила деревня. Они высыпали в воду порошок — серый, без запаха, без вкуса.

Это был первый эксперимент. Первый раз, когда Орден попытался закрыть "третий глаз" целой деревне.

Эффект проявился через поколение.

Дети, которые пили эту воду, выросли другими. Они были здоровы — физически. Но они были... тусклее. Они не видели снов, которые сбывались. Они не чувствовали ложь. Они не предчувствовали опасность.

Они стали — удобными.

Они работали, не задавая вопросов. Они молились, не думая. Они умирали, не сопротивляясь.

Орден наблюдал. Записывал. Анализировал.

И понял: это работает.

Алессандро ди Бонаюти умер в 1498 году. Но перед смертью он успел написать книгу — тайную, зашифрованную, которая передавалась из поколения в поколение. Она называлась "Трактат о садовничестве". В ней он описал всё: что такое "третий глаз", как он работает, как его открыть, как его закрыть.

Эта книга стала библией Ордена. Её изучали все, кто вступал в Орден. Её хранили в тайных хранилищах. Её обновляли — каждое поколение добавляло свои наблюдения.

И через сто лет — когда Орден станет глобальной машиной — эта книга будет лежать в основе всего.

Но это — будет позже.

А пока — в 1500 году — Орден был ещё маленьким. Тайным. Невидимым. Но он рос. Он учился. Он экспериментировал.

И он знал: сад будет обрезан. Ветви будут удалены. И дерево — человечество — будет служить.

Служить тем, кто видит.

Но были и те, кто сопротивлялся.

В горах Швейцарии, в маленькой деревушке, жил старик. Ему было больше ста лет — что само по себе было редкостью. Но самое удивительное было не это. Самое удивительное было то, что он "видел".

Он знал, когда придёт болезнь. Он предчувствовал смерть. Он чувствовал ложь.

Орден узнал о нём в 1523 году. Послали человека — наблюдать. Человек вернулся через месяц и сказал: "Старик не пьёт воду из источника. Он пьёт только дождевую воду. Он не ест хлеб из деревни. Он печёт свой — из муки, которую мелет сам. Он не принимает ничего, что мы дали".

Орден понял: есть те, кто не поддастся. Есть те, кто будет сопротивляться — даже не зная, что сопротивляется.

И Орден принял решение: таких — нужно уничтожать. Не сразу. Не всех. Но — систематически.

Они начнут с эпидемий. Потом — с войн. Потом — с "чисток".

Они будут отбирать тех, кто "видит". И они будут их уничтожать.

Пока не останутся только те, кто служит.

В 1550 году Орден провёл первый "отбор".

В маленьком городке во Франции началась эпидемия. Чума. Люди умирали тысячами. Орден наблюдал.

Они заметили: те, кто "видел" — те, кто пил чистую воду, ел чистую пищу, медитировал — умирали реже. У них был иммунитет — не физический, а тот, что шёл изнутри. Тот, что шёл от "третьего глаза".

Орден понял: "третий глаз" — это не только интуиция. Это — защита. Это — сила. Это — то, что делает человека свободным.

И именно поэтому — его нужно отнять.

Они начали добавлять в воду всё больше. Они начали добавлять в пищу всё чаще. Они начали создавать шум — через церковь, через войны, через деньги.

И медленно, поколение за поколением, "третий глаз" начал закрываться.

Люди стали тусклыми. Покорными. Удобными.

Орден победил.

Пока.

Но были и те, кто помнил. Кто знал. Кто сопротивлялся.

И один из них — ребёнок с чистым взглядом, которого увидел монах в 1457 году — вырос. И у него родились дети. И у его детей родились дети.

И его кровь — чистая, сильная, видящая — дошла до нас.

До 2024 года.

До Руслана.

ГЛАВА 3

РЕШЕНИЕ

«Свобода — это не дар. Это — болезнь.

И мы — её врачи».

Из устава Ордена, 1480 г.

К 1485 году Орден "Садовников" вырос. Из семерых он стал семьюдесятью. Из семи семей — семьдесятю семьями. Из тайной клятвы в горах Швейцарии — в глобальную сеть, которая охватывала Европу, часть Азии, север Африки.

Но самое главное — у них теперь было понимание.

Они знали, что такое "третий глаз". Они знали, как он работает. Они знали, что даёт человеку силу, интуицию, иммунитет. И они знали, что именно нужно сделать, чтобы его закрыть.

Теперь оставалось принять окончательное решение: как именно действовать.

Они собрались в Венеции — в палаццо Морозини, том самом венецианца, что был одним из семи основателей. Палаццо стоял на Гранд-канале, но вход был с задней стороны — с узкой улочки, где не было ни фонарей, ни свидетелей.

Семь глав линий — потомки тех семерых — сидели за длинным столом. Перед каждым — свиток с записями. Перед каждым — чаша с вином. Перед каждым — кинжал с рукоятью из кости.

Первым говорил Джакомо Морозини-младший — внук того, первого венецианца. Он контролировал деньги.

— Братья, — сказал он. — Мы экспериментировали пятнадцать лет. Мы добавляли в воду порошок в трёх деревнях. Мы добавляли в хлеб "специи" в пяти городах. Мы наблюдали за монахами, которые медитируют, и за теми, кто не медитирует. Мы знаем, что работает.

Он развернул свиток.

— Чистая вода открывает "третий глаз". Грязная — закрывает. Мы начали загрязнять источники. Через два поколения люди становятся тусклыми.

— Травы усиливают интуицию. Мы создали вещества, которые нейтрализуют их действие. Мы добавляем их в пищу. Через три поколения люди перестают чувствовать ложь.

— Медитация открывает разум. Мы создали шум — через церковь, через войны, через торговлю. Люди больше не могут слышать тишину. Через четыре поколения они перестают доверять себе.

Он посмотрел на остальных.

— Но это — медленно. Слишком медленно. Мы теряем время. Пока мы действуем постепенно — рождаются те, кто сопротивляется. Те, кто пьёт только дождевую воду. Те, кто ест только свою муку. Те, кто медитирует в горах, куда мы не можем добраться.

Епископ из Кастилии — теперь его место занимал его племянник — кивнул медленно.

— Я видел таких в Испании, — сказал он. — В горах Андалусии живут люди, которые не пьют нашу воду. Они называют себя "чистыми". Они видят сны, которые сбываются. Они лечат травами, которые мы не контролируем. И паства идёт к ним — не к священникам.

— Это — угроза, — сказал военный. — Если они размножатся — мы потеряем контроль.

— Значит, их нужно уничтожить, — ответил Морозини. — Но не всех. Не сразу. Мы должны отбирать — тех, кто "видит". И уничтожать только их. Остальных — оставить. Пусть служат.

Тогда слово взял тот, кого называли просто "Монах". Он был главой седьмой линии — той, что хранила тайну. Ему было сорок, но выглядел он старше — от знаний, которые носил.

— Братья, — сказал он тихо. — Я предлагаю план. План, который изменит всё.

Он развернул большой пергамент. На нём была нарисована схема — дерево с семью ветвями.

— Мы — семь линий. Каждая — отвечает за свою сферу. Но до сих пор мы действовали разрозненно. Каждый — в своей области. Пора объединить усилия.

Он указал на первую ветвь.

— Линия церкви контролирует веру. Мы создадим догмы, которые будут повторяться так часто, что станут автоматическими. Люди будут молиться — и не думать. Они будут верить — и не спрашивать.

Он указал на вторую ветвь.

— Линия денег контролирует ресурсы. Мы создадим систему, в которой люди будут работать не для жизни — а для выживания. Они будут бояться потерять работу больше, чем бояться потерять душу.

Он указал на третью ветвь.

— Линия науки контролирует знание. Мы будем скрывать истины, которые могут пробудить людей. Мы будем продвигать те, которые их усыпят. Мы будем создавать "экспертов", которые будут говорить то, что нам выгодно.

Он указал на четвёртую ветвь.

— Линия медицины контролирует здоровье. Мы будем добавлять в лекарства то, что притупляет чувства. Мы будем лечить тело — и убивать дух.

Он указал на пятую ветвь.

— Линия армии контролирует насилие. Мы будем создавать войны, которые будут уничтожать "неудобных". Мы будем отбирать сильных — и отправлять их умирать за чужие интересы.

Он указал на шестую ветвь.

— Линия религии контролирует ритуалы. Мы создадим обряды, которые будут повторяться так часто, что станут механическими. Люди будут участвовать — и не чувствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.